

СОДЕРЖАНИЕ

Книга I. Малайский искус	6
Книга II. Москва 1912—1917	55
Книга III. Война и мир	99
Книга IV. Петроград — Москва. 1918 год	202

Книга I

МАЛАЙСКИЙ ИСКУС

Глава первая

В моей бурной и разнообразной жизни случай играл большую роль, чем ему обычно предоставляется. В этом я сам виноват. Никогда я не пытался быть полным господином своей судьбы. Наиболее сильный импульс момента управлял всеми моими действиями. Когда случай вознес меня на головокружительную высоту, я принял его дары с распростертыми объятиями. Когда он сверг меня вниз с моей вершины, я принял его удары без жалобы. У меня были часы раскаяния и сожаления. Я привык заглядывать внутрь себя и прислушиваться к голосу своей совести. Но этот самоанализ всегда был объективным. Он никогда не был болезненным. Он никогда не помогал и не мешал мне на моем бурном жизненном пути. Он не был мне ничем полезен в вечной борьбе, которую ведет человек сам с собой. Разочарования не излечили меня от неискоренимого романтизма. Если иногда я недоволен своими поступками, — угрызения совести терзают меня только за то, что я оставил незавершенным...

Я родился в Анструтере — графство Файф — 2 сентября 1887 года. Отец мой был учителем начальной школы, переселившимся в Англию в 1906 году. Мать моя была из семьи Макгрегор (шотландка). Среди моих предков были Брюсы, Гамильтоны, Комминги, Вельсы и Дугласы, и я могу проследить свой род до Босвела Аучинлекского. Таким образом, во мне нет ни единой капли английской крови. Мои воспоминания детства кроме меня, никого не могут интересовать. Мой отец был завзятым иг-

роком в футбол, в регби и состоял членом шотландского футбольного жюри. Братья моей матери были хорошо известными шотландскими атлетами, таким образом, свою первую тренировку в футболе я получил, когда мне было четыре года, под руководством различных шотландских игроков, выступавших на международных состязаниях. И поэтому, как только я научился ходить, я уже умел забивать гол. Как ни странно, отец мой, сам не будучи игроком, был горячим поклонником крикета. Когда родился мой третий брат, я захопал в ладоши и радостно воскликнул: «Теперь у нас есть форвард, однокорпус и голкипер». Затем я стащил сырой кусок мяса и положил его в люльку, чтобы его мускулы скорей развивались и кости окрепли. В это время мне было семь лет!

В других отношениях воспитание мое проходило нормально. Я получал свою порцию телесного наказания, главным образом за игру в футбол и крикет в субботу, которую мой отец строго соблюдал. В двенадцатилетнем возрасте я начал мое обучение в Феттсе, где провел пять лет, увлекаясь атлетикой. Это чрезмерное пристрастие к спорту имело печальные последствия для моих занятий. В первом семестре моего обучения в Феттсе я лучше всех выполнил письменную работу по латыни, заданную всей школе, но ошибся в шестом падеже. За остальное время моего пребывания в школе я уже больше ни разу не попал в число 50 лучших учеников и, хотя я достиг успехов в освоении шестого падежа, был причиной тяжелого разочарования для моих родителей. Чтобы излечить меня от нездоровой страсти, отец отправил меня в Берлин, вместо того чтобы поместить в Кембридж, где несколько лет спустя мой младший брат был дважды награжден голубой лентой за спортивные успехи, но не получил награды за знание новых языков, которыми он, несомненно, овладел бы при других условиях.

Я многим обязан Германии и профессору Тилли. Тилли был австрийцем, сделавшимся более пруссаком, чем сами пруссаки, вплоть до того, что он исключил из своего

имени букву «е», подписываясь так, как это делал великий немецкий авантюрист. Его метод был спартанским и безжалостным, но он научил меня работать — достоинство, которое несмотря на многие отклонения никогда не было совсем мною утрачено. Он научил меня еще двум ценным вещам: уважению к неанглийским обычаям и установлениям и секрету овладения иностранными языками. Первое помогло мне во взаимоотношениях с иностранцами в течение моей последующей жизни. Последнее помогло мне занять правильную позицию (уважать нравы и обычае иностранцев — прим. ред.), когда семью годами позже я отправился в Россию. Если Тилли жив, я надеюсь, он прочтет эти строки и увидит, что я воздаю должное его методам воспитания. Его влияние было единственным в моей жизни, которое я могу назвать вполне благотворным. Из Берлина я был отправлен в Париж, где находился под влиянием доброго и благочестивого человека — Поля Пасси. От него я перенял прекрасное французское произношение и познакомился с мировоззрением уэльских возрожденцев. Пасси, который был сыном Фредерика Пасси, знаменитого французского юриста и пацифиста, был самым мягким из кальвинистов. В юности он пожелал стать миссионером, и, как человек, серьезно относящийся ко всякому принятому на себя делу, он с большой заботой готовил себя к этому трудному служению, поедая крыс. Болезнь легких помешала этому великому ученому похоронить себя в глуши Китая или отдаленных островов Южного моря. Эта потеря для язычников принесла пользу науке, и в настоящее время имя Пасси навсегда поставлено в одном ряду с именами Свита и Виэтора в почетном списке пионеров учения о фонетике. Несмотря на свое увлечение лингвистикой, он никогда не покидал своей достойной работы в исправлении грешников. Когда я впервые узнал его, он находился под влиянием Эвана Роберта, уэльского евангелиста, и единственный раз в моей разнообразной жизни мне пришлось выступить перед парижскими боссяками с пением гимнов уэльских возрожденцев на французском языке. Пасси читал молитву и иг-

рал на гармонике в то время, как я пел соло под аккомпанемент хора из трех дрожащих английских студентов.

Если жизнь есть смена случаев, то в моей жизни они чередовались быстро. После трех лет пребывания во Франции и в Германии я возвратился в Англию с целью пройти окончательную подготовку к гражданской службе в Индии. Судьба и моя склонность к странствованию определили другой путь. В 1908 году мой дядя, один из пионеров резиновой промышленности в Малайских штатах, приехал с Востока домой и воспламенил мое воображение баснословными рассказами о богатстве, которое можно с легкостью приобрести в этой фантастической и волшебной стране. В моей крови уже закипело стремление к путешествиям, желание увидеть новые страны, испытать новые приключения. Я решил связать свою судьбу с каучуковыми плантаторами и отправился на восток.

Свои студенческие годы в Берлине и Париже я провел серьезно и безупречно. В Германии страстное поклонение Гейне — даже теперь я могу прочесть наизусть большую часть «Интермеццо» и «Возвращения на родину» — привело к невинному роману с дочерью одного немецкого морского офицера. Лунными ночами я скользил в лодке по Ванзее и вздыхал за кружкой пива на террасе кафе Шлахтензее. Я пел в присутствии ее матери самые новые и самые чувствительные венские и берлинские песенки. И я овладел немецким языком. Но у меня не было ни авантюр, ни проделок, ни эксцессов.

Во Франции я увлекался экзотическим сентиментализмом Лоти, которого я однажды встретил и чьи эксцентричные и аффектированные манеры не излечили меня от восторга, который я испытываю по сей день перед очарованием его прозы. Но я проливал в одиночестве слезы над чтением «Ле Дезеншантэ». Я наизусть выучил прелестные письма Дженан. Тремя годами позже это сослужило мне хорошую службу во время моего экзамена на консульского чиновника. Но я не пытался подражать длинной серии «Мариаж де Лота». Теперь Восток выводил меня на широкую дорогу неограниченных искушений.

Глава вторая

Ни одно путешествие не произвело на меня такого очаровательного впечатления, как первая поездка в Сингапур. Она сохранилась в моей памяти как прекрасный сон наяву, в котором я помню каждый эпизод и который никогда не перестает служить мне утешением в моменты грусти.

Значительно более отчетливо, чем у многочисленных спутников по путешествию, с которыми мне приходилось впоследствии встречаться, я могу воссоздать перед моим умственным взором капитана, стюарда курительной, матросов, толстого романтического казначея и трех германских морских офицеров, которые являлись моими единственными серьезными соперниками за первое место в спортивных играх на палубе.

Но настоящим очарованием этой поездки был калейдоскоп чудесных красок и восхитительных ландшафтов, которые непрерывно развертывались перед моими глазами. Я наслаждался этим зрелищем. Я вставал еще в потемках, чтобы захватить первое дуновение бриза, который предвещал приближение рассвета, и ждал с приятным трепетом предвкушения того момента, когда огненный шар солнца выглянет сквозь серую пелену и появится там, где кончался небосклон и начиналось море, великолепное в своем спокойствии. Стоя один на носу судна, я наблюдал закаты цвета шафрана с их меняющейся панорамой кораблей и армий, королей и замков, рыцарей и прекрасных дам, — зрелище более увлекательное и живое, чем самый занимательный кинофильм.

Мне был всего 21 год, и моя жажда знаний была неутолима. Я проглатывал всякую книгу о путешествии, которую мог достать. Некоторые книги, которые я тогда прочитал, являются до настоящего времени моим величайшим сокровищем. «Курильщики опиума» Жюли Буасьера остается лучшей книгой этого жанра, которую я знаю.

Другие, как, например, «Письма без адреса» Свиттенхема, кажутся теперь почти смешными, тогда же они были необычайно реальны. Лоти был моим героем, и подобно ему я закутывался в плащ меланхолического одиночества.

В портах я инстинктивно уклонялся от моих соотечественников и, не сопровождаемый никаким раболепным проводником, пользовался случаем побывать в туземных кварталах. Я почти не имел друзей, за исключением Виктора Коркрана, который, будучи много старше меня, по видимому, находил удовольствие выпрашивать меня и выслушивать фантастические мечты и честолюбивые желания тщеславного юноши. Тем не менее по доброте своей он прятал свою насмешку под маской симпатии. Он много путешествовал и знал темные уголки истории и фольклора, сведения о которых нельзя найти в справочниках. На борту «Бюлова» он был римлянином в орде готов, и до настоящего времени я сохранил благодарность за ценные уроки, которые он, сам того не сознавая, преподавал мне.

Больше всего я научился ценить красоту теплых тонов и роскошную растительность. Орхидеи малайских джунглей значили больше и теперь значат для меня больше, чем самый прекрасный букет на груди самой прекрасной женщины. Зной тропического солнца стал мне необходим и физически, и духовно.

Даже до сих я не могу подумать без ощущения тоски, причиняющей почти физическую боль, об этих безоблачных восточных небосклонах, бесконечных пространствах золотого песка, обрамленного прохладными пальмами и величественными дюнами. Подобно герою Факонера, я пришел к убеждению, что всякая страна, в которой человек не может жить обнаженным в течение круглого года, обречена на труд, на войну, на установление стеснительных запретов, диктуемых кодексами морали. Теперь туманы английской зимы для меня такой же кошмар, как стены моей большевистской тюрьмы.

И, однако, в этой Малакке, которую я люблю, которая останется приятнейшим воспоминанием моей жизни

и которую я вновь никогда не увижу, я потерпел поражение. По прибытии в Сингапур я был послан на каучуковую плантацию за портом Диксон. Земля не знает драгоценности более прекрасной, чем эта миленькая гавань, которая расположена у входа в Малаккский пролив. В то время он был еще не испорчен вторжением белого человека. Климат был почти совершенен. Его береговая линия была похожа на опал, меняющий свои цвет в зависимости от лучей солнца. Тишина его ночей, нарушавшаяся только тихим всплеском прибоя, приносила душевный мир, который я никогда больше не испытаю. Я испытывал радость каждую минуту в течение года моего пребывания там. Но я был равнодушным плантатором, я не мог выносить едкие запахи тамильских кули. Я достаточно изучил их язык, чтобы выполнять свои обязанности. Теперь за исключением нескольких слов команды и ругательств я совершенно забыл язык. Китайцы с их автоматической аккуратностью не обратились ко мне, и обычная работа в имении — учет контрольных марок, ведение счетовода — надоедала мне. Мой главный управляющий был зятем покойного лорда Фортевио, он легко и снисходительно относился к моим ошибкам, Очень быстро я пошел в жизнь британского плантатора. Я научился пить неизменную «стенгах»*. Раз в месяц я отравлялся с моим начальником в соседний город Серембан и поглощал большое количество джина в Сенджеи Уджонт-клубе. По воскресеньям путешествовал по стране, играл в футбол и хоккей, завязывал многочисленные новые знакомства. Гостеприимство на Малайе в те золотые, беспечальные дни 1908 года для юноши было почти чрезмерным, и немногие переносили его благополучно.

Во время моего пребывания в порту Диксон я имел небольшой триумф, отзвуки которого я отдаленно чувствую по сегодняшний день.

* Виски с содой

Несколько месяцев спустя после моего прибытия в страну я отправился в Куала-Лумпур, чтобы сыграть «роггер» в команде моего штата — Негри Сембилан — против Селангора. Куала-Лумпур является столицей Селангора и Федерации Малайских штатов. Селангор обладает большим количеством белого населения, чем какой-либо другой штат, и в то же время его команда по «роггеру» включала несколько международных игроков, среди которых был добродушный шотландец «Бобби» Нейль. В те дни Негри Сембилан мог выставить лишь 15 игроков по «роггеру». Конечно, мы никогда не рассчитывали победить Селангор, и я сомневаюсь, могли ли мы победить какой-нибудь другой штат.

Несмотря на климат, «роггер»* является наиболее популярным зрелищем на Малайском архипелаге и, несмотря на явное несоответствие в силе между двумя сторонами, в Куала-Лумпуре собралось большое количество европейцев и туземцев, чтобы посмотреть на состязание. Те, кто был свидетелем этой классической встречи, были вознаграждены одним из величайших сюрпризов в истории спорта. Матч разыгрывался в канун Рождества, и селангорцы не были подготовлены. Возможно, они слишком легко отнеслись к своим противникам. Во всяком случае, к перерыву селангорцы имели в своем активе одно очко и превращенный мощным «Бобби» в гол штрафной удар против одного очка, сделанного мною самим. Вскоре после начала второй половины игры сделалось очевидным, что Селангор устал и толпа — селангорская толпа — в восторге от предстоящей неожиданной победы громко приветствовали нас. Мне весьма посчастливилось сделать второе очко, и за пять минут до конца счет у сторон был одинаковый. Затем с аута сильный новозеландец, который вел на нашей стороне хорошую игру, передал мяч назад мне, и мне удалось забить гол. Мы сыграли величайшую шутку, и селангорская команда и зрители оказались в дос-

* Разновидность футбола

таточной степени спортсменами, чтобы оценить ее. Я был увезен с поля победы в когда-то знаменитый клуб «Пятнистая собака» на окраине Паланга. Там я был окружен толпой людей, имен которых я не знал, но которые оказались моими земляками — шотландцами, знавшими моего брата и отца, которые похлопывали меня по плечу и настойчиво меня угощали. Задолго до обеденного часа я, вероятно, выпил по рюмочке, может быть несколько почти с каждым из присутствующих. Когда я прибыл в гостиницу, где давался официальный обед двум командам, обе команды и гости сидели на своих местах. Я был встречен в дверях «Бобби» Нейлем, который сообщил мне, что председательство проставлено заместителем генерал-губернатора и что мне единогласно предоставили почетное место по его правую руку на верхнем конце стола. Это был мой первый опыт публичного чествования, и мне не понравилось это испытание. Однако моим главным подвигом явился мой разговор с председателем банкета, которому я откровенно рассказал о своих приключениях на Востоке. Они, должно быть, были слишком живо описаны, так как он укоризненно сообщил мне, что он женатый человек.

— На тамилке или малайке, сэр? — спросил я вежливо.

— Тсс, — сказал он. — У меня трое детей.

— Черных или белых, сэр? — продолжал я с неизменной учтивостью.

К счастью, он обладал чувством юмора и легко отнесся к ошибкам двадцатилетнего юноши.

Этот случайный триумф имел неприличное последствие. Как самого юного и, следовательно, самого незаметного и бесхитростного члена команды меня поместили в дом пастора, хорошего атлета, но несколько чопорного для «падре» в тропиках. Куала-Лумпур, подобно Риму, построен на семи холмах, и я несколько затруднился отыскать дом почтенного человека в ранний утренний час. Однако благодаря верному «Бобби» и другим добрым друзьям я был благополучно доставлен в мою комнату, и с большим усилием мне удалось появиться к завтраку на

следующее утро в воскресенье. Холодная вода сотворила чудеса, и я выглядел не слишком плохо, но голос у меня пропал. Так как я отвечал карканьем на бесчисленные вопросы относительно моего здоровья, миссис «падре» посмотрела на меня с жалостью.

— Ах, мистер Локкарт, — сказала он мне. — Говорила я вам, что, если вы не наденете ваш свитер после игры, вы простудитесь.

С этими словами она выбежала из комнаты и принесла мне стакан с микстурой от кашля, и, вследствие своей застенчивости, которую я до сих пор не совсем могу побороть, я не мог отказать. Результат оказался мгновенно, и, не говоря ни слова, я бросился вон из комнаты. Никогда — ни раньше, ни впоследствии — я не страдал так, как я страдал в это воскресное утро. Я часто удивляюсь, как много поняла миссис «падре». Если она хотела дать мне урок, награда учителя никогда не могла бы быть более приятной.

Тип малайского джентльмена, с его глубоким отвращением к труду, пленял меня. Мне нравилось его отношение к жизни, его философия. Человек, который умел ловить рыбу и охотиться, который знал тайны ручьев и лесов, который умел говорить метафорами и любить туземок, был мне по сердцу. Я с жадностью изучал его язык. Я изучал его обычаи и историю. Я находил романтику в малайских женщинах, скрытых под покрывалом. Я отдавал моим малайцам ту энергию и энтузиазм, которые следовало бы отдать тамильским и китайским кули моей каучуковой плантации. Презирая некультурную жизнь плантатора, я искал себе друзей среди более молодых правительственных чиновников. Я показывал им мои поэмы. Они приглашали меня полюбоваться своими акварелями. Среди них был молодой человек, достигший теперь высших ступеней в колониальной иерархии, с которым я играл на рояле в четыре руки.

Я заводил друзей также среди католических миссионеров — прекрасных людей, добровольно отрешившихся

от Европы и даже от европейцев на Востоке и посвятивших всю свою жизнь заботам о своей туземной пастве.

На столбцах местной газеты появился мой первый опыт журналистики, в котором я пытался заклеить японскую торговлю живым товаром. Этот опыт был встречен неодобрительно, но после того как я написал передовицу о недостатках эсперанто, редактор признал меня и предложил мне постоянное сотрудничество. Больше всего я читал, и читал серьезно. Средняя библиотека плантатора могла содержать различный подбор прозаических и поэтических произведений Киплинга, но их главным содержанием в те дни были произведения Герберта Уэльса и Джеймса Блитса. Я не знаю, какие авторы заняли сегодня их места, но для меня первый не был поучительным автором. Я положил себе за правило никогда не покупать романов, и ежедневному получению из Сингапура серьезной литературы я обязан своим здоровьем и тем, что избежал увлечения восточной троицей — опиумом, пьянством и женщинами. Все три разбрасывали над мной сеть своих искушений, но чтение спасло меня от худших последствий объединенного нападения.

Глава третья

Мое юношеское увлечение одиночеством вызывало во мне, в конце концов, серьезную тревогу. Я настойчиво приставал к своему дяде с просьбой достать мне самостоятельную работу. Наконец я был послан открыть новую плантацию у подножия холмов. Место, которое в течение года должно было стать моим жительство, находилось в десяти милях от всякого европейского жилья. Ни один белый человек не жил до этого времени здесь. Селение, к которому примыкало мое поместье, было местопребыванием свергнутого султана, и, следовательно, не особенно дружески относившегося к англичанам. Мой дом также представлял из себя развалившуюся хижину

без веранды и, хотя он был лучше, чем обыкновенный малайский дом, ни в каком смысле не походил на европейское жилище. Опасная для жизни малярия, свирепствовавшая здесь больше, чем в других штатах, не увеличивала прелестей этого места. Моей единственной связью с цивилизацией был велосипед и начальник малайской полиции, который жил в двух милях от меня. Тем не менее я был счастлив, как погонщик с новым слоном. В течение дня мое время было совершенно занято. Мне надлежало сделать что-нибудь из ничего: поместье из джунглей, построить дом для самого себя, проложить дороги и сточные каналы там, где их не было. Были также меньшие проблемы администрирования, которые являлись для меня постоянным источником развлечения и забавы: малайские подрядчики, которые находили оправдание для всякой оплошности, тамильские жены, которые практиковали полиандрию на строго практической основе — два дня для каждого из трех мужей и свободный день по воскресеньям; оскорбленный «Вульямэй», который жаловался, что «Рамазанси» украл его день; китайские лавочники, которые заключали сделки на жестких условиях с моим кладовщиками и бомбейские ростовщики, которые выстраивались в кружок в день выдачи платы и держали моих кули в своих цепких лапах.

Перед таким смешанным сборищем я являлся единственным представителем британской власти. Я творил суд без страха или пристрастия, и, если были жалобы на мою власть, они никогда не доходили до моих ушей. В течение этих первых четырех месяцев я был совершенно свободен от забот. Я усиленно работал над малайским языком. Я написал рассказы, которые заслужили похвалы Клементы Шортера и были опубликованы в журнале «Сфера». Я начал писать роман из малайской жизни — увы, незаконченный, и который, вероятно, никогда не будет закончен, — и продолжал мое чтение с похвальным прилежанием. Для развлечения имелись футбол, стрельба и рыбная ловля. Я расчистил клочок земли, приспособил футбол-

ную площадку и посвятил малайцев в таинства футбола. Перед закатом солнца я на лету стрелял пунаи — маленьких малайских голубей. Как это ни странно, я подружился с низложенным султаном и в особенности — с его женой, истинной правительницей королевской резиденции, старой высушенной леди с крашеными губами и с взглядом, способным вселить ужас в самое мужественное сердце. Ходили слухи, что она совершила все преступления, предусмотренные уложением о наказаниях, и много таких, которые не включены в этот перечень людских проступков. Однако она была королевой Викторией своего округа, и, хотя мы впоследствии сделались врагами, я не питаю к ней злобы.

В своем доме я пользовался совершенно незаслуженной репутацией меткого стрелка. Мое примитивное жилище было полно крыс, которые во время обеда бегали повсюду. Мой фокстерьер обращал их в бегство, в то время как я избивал их палкой. Таким способом было уничтожено их множество. Еще забавнее было расстреливать их из револьвера, и, конечно, это занятие увеличило мое умение стрелять. Затем настал великий день, который в глазах туземцев наделил меня силой чародея.

Все поместье, включая мое жилище, обслуживалось большим колодцем, круглым и глубоким, с большими щелями в надземной части между водою и поверхностью. Однажды утром, когда я завтракал в одиночестве, у дверей моей конторы послышались тараторившие голоса. Многоязычная болтовня сопровождалась хором плачущих женских голосов. Вне себя я бросился вон из помещения, чтобы выяснить причину такой утренней интермедии. Тамильский кули со стоном валялся на земле. Двести его соотечественников окружали его с криками, объяснениями, мольбами. Целая толпа малайцев и все мои служащие-китайцы собрались вокруг, чтобы дать совет и посмотреть конец трагедии. Несчастный был укушен змеей. Урывками и сбиваясь, дико возбужденная толпа рассказала о происшедшем. Там была кобра, громадная кобра. Она

находилась в колодце. Она устроила свое гнездо в щели. Это была самка. Там яйца и будут змееныши. К колодцу доступа не было. Арматам был укушен. Хозяин должен, сейчас же должен, вырыть новый колодец. Я сделал два надреза на ноге укушенного, перевязал рану, дал бутылку джина и отправил его на телеге в госпиталь за двенадцать миль (он поправился).

Затем в сопровождении двух тамильских «кенгани» и надсмотрщика-малайца я отправился исследовать колодец. Мое ружье находилось еще в порту Диксон. Единственным моим оружием был револьвер, которым я стрелял в крыс. В колодце все было тихо. Тамилец указал на дыру на глубине восьми футов, где кобра устроила себе гнездо, и длинным бамбуком надсмотрщик ударил по отверстию. Послышалось предостерегающее шипенье. Черная шапочка показалась в дыре, поднялась сердитая головка и заставила моих спутников удрать со всех ног. Я тщательно прицелился, выстрелил и тоже отступил. В колодце послышался всплеск и затем все стихло. Я прострелил кобре голову. В своей смертельной борьбе она выпала из отверстия в воду. Жертва моего колдовства была выставлена на показ и устрашение. Моя репутация была установлена твердо, все пути были мне открыты.

Это было счастливым обстоятельством, потому что ближайший путь к Серембану и цивилизации лежит через поселок китайских шахтеров, пользовавшихся репутацией грабителей. Мой банковский клерк был задержан головорезами, которые, разочаровавшись в содержимом его сумки, отрезали ему палец в качестве наиболее удобного способа снять кольцо.

Эта опасность мне больше не грозила. Даже в поселке шахтеров было хорошо известно: во-первых, я могу одним выстрелом убить крысу или кобру; во-вторых, что я никогда не путешествую без револьвера; и, в-третьих, что я никогда не держу при себе денег. Таким образом, я путешествовал спокойно. Признаюсь, однако, что ничто в жизни меня так не увлекало, как поездка на велосипеде